

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ПРЕЗИДЕНТІНІҢ МҰРАҒАТЫ
АЛМАТЫ ҚАЛАСЫНЫҢ ІШКІ САЯСАТ ДЕПАРТАМЕНТІ
АЛМАТЫ ҚАЛАСЫНЫҢ МӘДЕНИЕТ ДЕПАРТАМЕНТІ
Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
АЛМАТЫ ҚАЛАСЫ ТАРИХЫНЫҢ МУЗЕЙІ
ҚАЗАҚСТАННЫҢ ТАРИХИ-АҒАРТУ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ «ӘДІЛЕТ» ҚОҒАМЫ

САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІНДЕР ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ ЗАРДАПТАРЫ

Мақалалар мен естеліктер жинағы

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Сборник статей и воспоминаний

АЛМАТЫ
2009

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз) 615–4
С27

Редакциялық алқа

С. Р. Айтмамбетова, Е. К. Ауэзов, Р. О. Карибжанова,
Б. О. Қойшыбаев, С. Ф. Мажитов, В. Н. Шепель

Редакторы

С. Ф. Мажитов
тарих ғылымдарының докторы

Құрастырушылар

Е. М. Грибанова, Г. Н. Мурзагалиева, Е. В. Чиликова

С27

Саяси қуғын-сүргіндер және олардың зардаптары. Естеліктер мен мақалалар жинағы – Политические репрессии и их последствия. Сборник воспоминаний и статей / Сост. Е. М. Грибанова, Г. Н. Мурзагалиева, Е. В. Чиликова. – Алматы: Архив Президента Республики Казахстан, 2009. – 158 с.

ISBN 9965-32-870-6

Жинаққа 1930-жылдардағы КСРО-дағы саяси қудалау науқаны жайында жасалған баяндамалар, сөйленген сөздер, мақалалар және сол кезеңдегі «социалистік заңдылықтарды бұзушылық жөніндегі» ұстанымның заңға сыйысушылығы туралы ойтолғаулар енді

В сборнике представлены доклады, выступления, статьи и воспоминания о политических репрессиях в СССР в 1930-е гг., размышления о правомерности утверждения «о нарушениях социалистической законности» в тот период, о судьбах конкретных людей и семьях, пострадавших от репрессий.

С $\frac{0503020905}{00(05) - 09}$

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Каз)615–4

Қазақстан Республикасы Президентінің Мұрағаты, 2009
Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, 2009
Алматы қаласы тарихының музейі, 2009

Қазақстанның тарихи-ағарту және құқық қорғау «Әділет» қоғамы, 2009

ISBN 9965-32-870-6

Құрастырушылардан

2007 ж. 28 мамырда Алматы қалалық ішкі саясат, мәдениеті департаменттері, Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Алматы қ. тарихы музейі және Қазақстанның тарихи-ағарту, құқық қорғау «Әділет» қоғамы мен Қазақстан Республикасы Президентінің Мұрағатының қатысуларымен «Қасіретті 1937: Сталиндік тоталитаризмнің құрбандарына тағзым» атты ғылыми-практикалық конференция өткізілген болатын.

Назарларыңызға ұсынылып отырған жинақ осы конференция материалдарын негіз етіп, ҚР ПМ-да сақтаулы құжаттарды және музей қызметкерлері Н. Қ. Жақауова, Р. Ш. Иманбаева, Б. К. Боранбаевалар жинаған естеліктерді қатыстыру жолымен шығарылды.

Бұл басылым «Страницы трагических судеб: сборник воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920–1950-е гг.» – Алматы: Жеті жарғы, 2002, «Современное осмысление уроков репрессий 1930–1950-х гг. в Казахстане и проблемы защиты прав человека». – Алматы: OST–XXI век, 2006. кітаптарында көтерілген тақырыптың жалғасы болып табылады.

Кітапқа конференцияға қатысушылар жасаған баяндамалар мен сөйлеген сөздер енгізіліп, олар тақырып бойынша дайындалған мақалалар және естеліктермен толықтырылды. Барлығы да, В. Н. Лазаревтің Қазан қ. жазған естелігінен басқасы, 2007–2008 жылдардың материалдары. Құрастырушылар мәтіндер авторларына өз алғыстарын білдіреді.

Мәтіндердің авторлық стильдері сақталды. Әкімшілік-аумақтық бірліктер аттары өзгеріссіз қалды. Кейбір материалдарға мәтінтанымдық ескертулер беріліп, олар жұлдызшалы сандық бірліктермен, авторлық сілтемелер мен ескертулер тек қана сандық бірліктермен белгіленді. Мәтіндердің бұрын басқа тілде басылғандары туралы мәлімет мәтінтанымдық ескертулерде, толық қайталанып басылу жағдайында – баянда берілді.

От составителей

28 мая 2007 г. акиматом г. Алматы, департаментами внутренней политики и культуры, Институтом истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Музеем истории г. Алматы, с участием Казахстанского историко-просветительского, правозащитного общества «Әділет» и Архива Президента Республики Казахстан была проведена конференция «Трагедия 1937: памяти жертв сталинского тоталитаризма». Данный сборник издан на основе материалов этой конференции, с привлечением документов, хранящихся в АП РК и воспоминаний, собранных сотрудниками музея Жакауовой Н. К., Иманбаевой Р. Ш., Буркитбаевой Б. К.

Издание продолжает тему, поднятую в книгах «Страницы трагических судеб: сборник воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920–1950-е гг.». – Алматы: Жеті жарғы, 2002, «Современное осмысление уроков репрессий 1930–1950-х гг. в Казахстане и проблемы защиты прав человека». – Алматы: OST–XXI век, 2006.

В книге публикуются доклады и выступления участников конференции, которые дополнены статьями и воспоминаниями по теме. Составители благодарят их авторов за предоставленные тексты. Все они написаны в 2007–2008 гг. в г. Алматы, за исключением мемуаров В. Н. Лазарева, над которыми он работал в 1966 г. в г. Казани.

Авторский стиль текстов сохранен. Наименования административно-территориальных единиц оставлены без изменений. К некоторым материалам даны текстуальные примечания составителями, они отмечены цифрой со звездочкой. Авторские ссылки и примечания – цифрой. Сведения о повторной публикации текстов в случаях, когда они публиковались на другом языке, даны в текстуальных примечаниях, при полной вторичности – в легенде.

**ДОКЛАДЫ
ВЫСТУПЛЕНИЯ
СТАТЬИ**

«ПОМНИТЬ И ПРЕДОСТЕРЕГАТЬ»

Адамзат қауымы өткен уақыттарда үлкен өзгерістер жасап, өркениетке ілесе ілгерілей отырып, тұтас бір ғасырға жүк болған ауыр нәубет пен қасіретті кезеңдерді бастан кешіріп, тарихта терең із қалдырды.

Өз халқының тәуелсіздігі мен еркіндігі жолында бел шешіп күрескен азаматтардың есімдерін атауға болмайтын қиын уақыттарды да бастан өткердік.

Сталиндік солақай саясаттың салдарынан 1937–1938 жылдарда көптеген азаматтар жаппай қуғын-сүргіндерге ұшырады. Жеке басқа табынушылық заманында қоластындағы халықтарды бұғауға салу үшін Кеңес үкіметі әр ұлт зиялыларын қудалап, көздерін жою саясатын жүзеге асырды. «Екі әріп», «Үш әріп» атанған ұйымдардың жандайшаптары жазықсыз жандарды түрмеге жауып, атып, асып, халықтың басына қайғы-қасірет төндірді. Мұндай саясат қазақ жерін де айналып өткен жоқ.

Республикамызда 118 мың адам қуғын-сүргіндерге ұшырап, азаптау лагерлерінде ұсталды, қазақ халқы мен қазақ жерін мекендеген өзге ұлттардан 25 мың адам жалған жаламен атылды. Әлихан Бөкейханов, Ахмет Байтұрсынов, Міржақып Дулатов, Сәкен Сейфулин, Тұрар Рысқұлов, Темірбек Жүргенов, Нығмет Нұрмақов, Бірмұхамед Айбасов, Сұлтанбек Қожанов, Ілияс Жансүгіров, Мұхамеджан Тынышпаев, Бейімбет Майлин, Ұзақбай Құлымбетов, Жүсіпбек Аймауытов, Мағжан Жұмабаев, Құдайберген Жұбанов, Ғабдулхаким Бөкейханов, Әзімбай Лекеров, Сабыр Айтхожин және т. б. жүздеген алыптарымыз жазықсыз оққа ұшты.

Сталиндік сұрқия саясаттың салдарынан мыңдаған отбасының шаңырағы шайқалып, әйелдері жесір, балалары жетім қалды. Әкелері ұсталып жер аударылды, шешелері лагерлерге жіберілді, ал ұрпақтары «халық жауының баласы» атанды. Осы бір алапат заманнан аман қалған, қиын-қыстау күндерді бастан кешірген асылдың тұяқтары – ағаларымыз бен апаларымыз бүгін біздің ортамызда отыр.

Құрметті қонақтар, бүгінгі жаппай саяси қуғын-сүргіннің 70 жылдығына орай ұйымдастылған «Қасіретті 37: сталиндік тоталитаризмнің құрбандарына тағзым» атты ғылыми конференцияға қатысушылар!

Бүгінгі конференция «Үлкен террор» деген атпен тарихқа енген жаппай қуғын-сүргіндер шараларын жүзеге асырған сталиндік режим саясатына жаңаша баға беріп, жаңа көзқараспен қарауға ұмтылған қадамдардың бірі.

Ынтымағы жарасқан еліміздің ырысы артып, мерейі өсе беруі үшін, кешегі қайсар ұрпақтың халық үшін жасаған ерлігімен қатар ұлы мақсат жолында азап шеккен жандардың табандылығы мен жантүршігерлік қайғылы тағдырын бүгінгі және болашақ ұрпақ ешқашан ұмытпауы тиіс.

История массовых политических репрессий, 70-летию которых посвящена наша конференция – это один из самых трагических периодов советского государства. Особый феномен нашей истории на определенном, при-

том весьма длительном, этапе ее развития, который наложил неизгладимый отпечаток на все стороны государственной, общественной, производственной и личной деятельности. Чем больше времени отделяет нас от жестокой «эпохи массовых репрессий», тем реже память напоминает нам о суровых испытаниях, которые выпали на долю наших отцов и матерей, всех представителей старшего поколения. Но на то мы и люди, чтобы наше прошлое не предавалось полному забвению, и чтобы мы извлекали из него уроки на будущее. Короткая память умеет жестоко мстить. Забвение своей истории, а тем более ее мрачных страниц, боязнь исторической правды чревато повторением некогда пережитых трагедий, повторением страданий людей.

В Казахстане, в 1937–1938 гг., в «национал-фашизме» и «шпионаже» были обвинены: Левон Мирзоян, Турар Рыскулов, Нигмет Нурмаков, Султанбек Ходжанов, Узакпай Кулумбетов, Ураз Исаев, Ураз Джандосов, Темирбек Жургенев и многие др. Репрессированы были виднейшие деятели культуры и науки – Ахмет Байтурсынов, Мыржакып Дулатов, Мухамеджан Тынышбаев, Магжан Жумабаев, Санжар Асфендияров, Беймбет Майлин, Владимир Биленко, Сакен Сейфуллин, Ильяс Жансугуров и др. С середины 1940 начались массовые преследования попавших во время войны в плен советских солдат и офицеров. Развязалась широкая кампания гонений на т. н. «буржуазных националистов» и «безродных космополитов» в науке, искусстве, литературе, медицине и др. В Казахстане эта кампания выразилась в осуждении на длительные сроки видных ученых обществоведов Ермухана Бекмаханова, Есмагамбета Исмаилова, Бимаша Сулейменова и других, в моральном и административном преследовании Президента Академии наук Казахстана Каньша Имантаевича Сатпаева, писателя и ученого Мухтара Омархановича Ауэзова, ректора КазГУ Тулегена Тажибаева и др.

По данным исследователей, в период с 1921 г. по 1954 г. в Казахстане по политическим мотивам осуждено более 100 тысяч человек, свыше 25 тысяч расстреляно. Примерно 1 миллион 750 тысяч человек, что составляет 42 % казахского населения, стали жертвами массового голода 1931–1932-х гг.

Состав за составом шли со всей страны эшелоны с политическими заключенными, многие из которых потом бесследно исчезли в Карлаге, Степлаге, Песчанлаге, АЛЖИРе и других лагерях ГУЛАГа. В огромном большинстве преследовались совершенно невинные люди. Более четверти века действовала беспощадная система репрессий. Десятки, сотни тысяч несчастных расстреляны, замучены непосильным рабским трудом, болезнями, умерли от истощения. Индустрия страны во многом строилась на костях заключенных. Громадная территория республики покрыта сетью кладбищ и захоронений.

Историк Рой Медведев, охватывая период с конца 1920-х – начала 1950-х гг., писал: «Общее число жертв сталинизма достигает, по моим подсчетам, цифры примерно в 40 млн. человек». Умом эту цифру не объять, за ней безмерное пространство для поиска и возвращения из небытия имен, судеб... Мы, ныне живущие, в неоплатном долгу перед бесчисленными жертвами репрессивной системы и должны вечно хранить память о жертвах политических репрессий – не для озлобления, не для мести, а для покаяния.

Лишь оно очищает и возвышает души, утверждает гуманность и милосердие. Помнить и предостерегать. Помнить и осмысливать во имя построения истинно демократического, справедливого общества.

Бурханов К. Н.

**ПОЛИТИКА МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ В СССР И
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА
(К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ И КРУШЕНИИ ТОТАЛИТАРНОГО
РЕЖИМА)**

Құрметті қауым, құрметті қонақтар! Бүгін 70 жыл бұрын тоталитарлық жүйенің әкімшіл-әміршіл тәртібін зорлық-зомбылық әдістерімен қалыптастырып, қуғын-сүргін құрбанына айналған азаматтарды еске түсіруге арналған жиынға жиналып отырмыз.

20-ғасырдың 30 жылдары өте қасіретті болды. Өйткені, бұл кезең кеңес халқына үлкен нәубет болған қуғын-сүргіндерді алып келген еді. 1937–1938 жылдардағы террор барша елді жайлады. Халықтың рухани санасына қайғы-қасірет әкелген бұл нәубет қоғамымыздың әлеуметтік-саяси жолында күрескен Әлихан Бөкейханов, Ахмет Байтұрсынов, Міржақып Дулатов, Мұхамеджан Тынышбаев, Сәкен Сейфуллин және т. б. азаматтарды «ұлтшылдар», «халық жауы» деген жалалармен қуғын-сүргіндер құрбандарына айналдырды. «Үлкен террор» атанған бұл қуғын-сүргінді социалистік жүйе тудырған еді.

Қорқытып-үркіту, үрейлендіру тәсілін қолданған сталиндік басқару жүйесі ұлттық сана мен мәдениетке, ұлттық салт-дәстүрге нұқсанын тигізіп қана қоймай, саяси айыптар тағу негізінде мындаған ел азаматтарын түрмеге жапты, атты, лагерлерге айдады. Тұтас бір халықтың бетке ұстар маңдай алды тұлғаларын құрту, көзін жою, қысым көрсету арқылы тұншықтырды.

Сталиндік солақай саясат қыспағына түскен халық жеке басқа табынуға мәжбүр болды. Аталмыш жылдар аралығында Қазақстанда 100 мыңнан астам адам қуғын-сүргіндерге ұшырап, оның 23 мыңнан астамы атылды. Қазақ жері саяси қылмыскерлердің лагерлік мекеніне айналды. Халық арасында сенімсіздік, бірін-біріне айдап салу, жалтақтық, екіжүзділік сияқты әрекеттерді тудырды.

Бұл қуғын-сүргіндер қоғамда ауыр із қалдырды. Халық игілгі үшін қызмет еткен интеллигенция өкілдерімен қатар Қазақстанға күштеп көшіріліп әкелінген өзге халықтар да жапа шекті.

30-шы жылдары басталған қуғын-сүргіндер науқаны 40–50-ші жылдары да жалғасын тауып, «буржуазиялық ұлтшыл», «Батысқа бас июші, космополит» ретінде ғылым, білім саласындағы зиялы қауым өкілдерін қыспаққа алғаны белгілі. Буржуазиялық-ұлтшыл идеологияны дәріптеуші деген саяси айыптармен Ермұхан Бекмаханов, Бек Сүлейменов, Әбусағит Жиреншин, Есмағамбет Исмайылов, Қажым Жұмалиев, Қалижан Бекхожин және т. б. қазақ зиялылары қуғынға ұшырады.

Кеңестік жүйенің бұл қыспағы одан кейінгі «Хрущев жылымығы» аталған жылдарда да, Брежнев билік құрған кезеңде, өзімізге белгілі 1986 жылдағы желтоқсан оқиғасынан кейін де жалғасын тапты. Бұл аталмыш кезеңде де мемлекет пен партияның тәжірибелі қайраткерлері, зиялы қауым өкілдерімен қатар қарапайым халық та жапа шеккен еді. Міне, сондықтан бүгінде кеңес жүйесі тудырып, қуғын-сүргіндерге ұшыратқан осындай абзал азаматтардың есімдерін еске алу, олардың рухына бас ию аса орынды деп есептеймін. Ендігі баяндамамың негізін осы бүгінгі конференцияға қатысып отырған барлық ұлт өкілдеріне түсінікті болу үшін орыс тілінде жалғастыруға рұқсат етіңіздер!

Анализ политической истории XX в. позволяет выявить причины и предпосылки возникновения и краха тоталитарных режимов. Обострение социальных и политических противоречий в ходе первой мировой войны, неспособность демократических сил удержать власть в ряде стран, в т. ч. и в России, после свершившихся там революций и свержения монархий, обусловили нарастание тоталитарных тенденций в политических процессах.

Придя к власти в октябре 1917 г., большевики взяли курс на радикальные социальные преобразования, направленные на скорейшее достижение коммунистического идеала. Таким образом, провозгласив целью установление диктатуры пролетариата, большевики стремились преобразовать не только социальную структуру, но и саму природу общества.

По меткому замечанию одного из лидеров европейской социал-демократии: государство, провозгласившее своей социальной базой беднейшие слои общества, будет для поддержания своего господства постоянно их воспроизводить. Репрессивный аппарат, созданный для борьбы с политическими противниками режима в скором времени стал все больше приобретать свойства самодовлеющей системы.

Силовое преобразование общества путем слома политической оппозиции, расправы над интеллигенцией, проведения судебных процессов по делам политических партий, фракций, уничтожения целых социальных слоев, групп и классов, перманентный поиск врагов: вот неполный перечень мер, в результате которых было создано общество, где культивировалось абсолютное послушание, отсутствие и неприятие конструктивных социальных идей.

Проявление самостоятельности и независимости во взглядах трактовалось как антипартийная и антигосударственная линия и грозило самыми тяжелыми последствиями.

Обработка массового сознания привела к установлению морально-психологического климата, при котором в стране процветало доносительство, разворачивались кампании и чуть ли не соревнования по разоблачению «врагов народа».

В то же время, физически уничтожая своих оппонентов, система уничтожала тем самым потенциал развития всего общественного строя. Постепенно советская политическая система получила громоздкий, застывший в догмах, неповоротливый и полностью утративший способность к дальней-

шему развитию идеологический аппарат, в котором все идеологические институты, общественные и гуманитарные науки, вместо объективного анализа, были заняты обоснованием незыблемости основ советского общественного строя, непогрешимости политического курса партийного руководства.

Таким образом, диктат одной партии во всех сферах общественной жизни и государственного строительства с неизбежностью привел к краху всей политической системы в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия.

Придя к суверенитету в условиях распада авторитарного государства, руководство Казахстана призвано было поэтапно решать комплекс сложнейших социально-экономических, внутри- и внешнеполитических проблем.

Анализ пройденного Казахстаном пути содержится в выступлении Президента Н. А. Назарбаева, прозвучавшем на совместном заседании палат Парламента Республики 16 мая 2007 г. Президент последовательно изложил принципы и узловые вопросы политики независимого Казахстанского государства, благодаря которым удалось вывести страну из кризиса, наладить процессы экономики, достичь стабилизации общества.

В результате достигнутых успехов в экономике, промышленности, аграрном секторе, закреплении демократических норм в действующем законодательстве были созданы предпосылки для развития общества по пути демократизации и активной модернизации общественно-экономических процессов, протекающих в данный период.

Суть предстоящих преобразований в том, что сейчас действуют условия, которые позволяют сделать переход от Президентской республики к президентско-парламентской форме правления, через усиление роли парламента, поднятие его политического статуса, увеличение численности депутатов. Комплекс мер по этому вопросу, представленный Президентом в законопроекте «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан», призван продолжить либерализацию конституционных основ политического устройства Республики.

В связи с темой сегодняшней встречи хотелось бы подчеркнуть, что законопроект во всех своих аспектах учитывает особенности и политические реалии Казахстана, обеспечивает представительство в политической сфере основных сил общества, учитывает фактор полиэтничности казахстанской нации.

Важной демократической составляющей законопроекта является внедрение принципов пропорциональной избирательной системы для депутатов Мажилиса. Эта мера укрепит в парламентских дискуссиях многообразие мнений, при необходимости придерживаться программных положений партий и партийной согласованности и дисциплины.

Ряд предложенных поправок в Конституцию преследует цель демократизации и усиления эффективности системы местного управления.

В исторической перспективе данные меры приведут к утверждению в государстве стройной и гибкой системы, своевременно реагирующей на

внутренние и внешние вызовы, способной успешно решать и преодолевать на демократической основе объективные трудности современной эпохи.

Мажитов С. Ф.

«ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РОБИНЗОНАДА» КАК МЕХАНИЗМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Исследование истории репрессий периода тоталитаризма в СССР, в т. ч. и Казахстане, требует изучения механизмов репрессий. К сожалению, они до сих пор не нашли своего полного отражения в литературе по этому вопросу. Как правило, те, кто изучает историю прессинга в Советском Союзе в отношении обществоведов-востоковедов, историков, лингвистов и т. д. ограничиваются констатированием отдельно взятых фактов. Между тем, вне поля зрения исследователей находятся реальные стороны самой эпохи и действий режима. Как ни странно большинство из тех, кто называет методы и форму прессинга, а точнее статью приговора, идут вслед по внешней форме. Им достаточно сказать осужден как «враг народа» или «статья 58 часть 10» и дальше этого они не идут. Между тем, мало кто попытался понять, что стоит за этим? Как пришли эти дефиниции в практику тоталитаризма? Каковы были механизмы внедрения в сознание общества этих понятий? Наконец, кто за этим стоит? Только ли Сталин и его ближайшее окружение?...

В поисках ответов на эти и другие вопросы можно обнаружить феномен, который называется «психологической робинзондой». Суть этого явления заключается в том, что как накануне, так и в процессе прессинга и наказания своих социально неугодных мишеней, тоталитаризм обнаруживал все новые и новые инструменты привлечения к своим деяниям общественного сознания. Жертва режима подвергалась остракизму через явные и подспудные механизмы властей. Часто прихоти партийного субъективизма превращали ученых в исполнителей обличительных заказных статей и брошюр. Попытки выйти за установленные шаблоны грозили возможностью остракизма по поводу националистического и любого другого инакомыслия. «Психологическая робинзонда» превращала репрессированного в винтик существующей модели проектирования общества. На этой почве одни мимикрировали, а другие не выдерживали и становились на сторону режима. И лишь немногие могли противостоять.

Среди обществоведов, в т. ч. и востоковедов Казахстана можно назвать многие имена тех, кто, даже вернувшись из ссылки, до последних дней своей жизни оставался жертвой «психологической робинзонды». Это Е. Б. Бекмаханов, Б. С. Сулейменов, А. Х. Маргулан, Е. С. Исмаилов и др.

Основу конструкции «психологической робинзонды» в тоталитарном обществе составляли мероприятия в области идеологической обработки масс. В условиях советского образа модернизации, они имели благоприятную почву. Причина этого заключалась в том, что смысловую сторону этих мероприятий составили идеи о движении вперед и

достижении высот новой жизни. Во имя такого формата цели, общество готово было отложить на оговоренное властями время свои потребности, пожертвовав днем сегодняшним во имя завтрашнего. Питательной почвой для утверждения образа психологической робинзонады стала и патриотика первых лет утверждения советской власти. В совокупности это неминуемо вело к тому, что все мешавшее претворению в жизнь коллективного идеала напрочь отметалось.

На фоне развернувшейся кампании о движении к светлому будущему и роли в этом государства вплотную встал вопрос о вытеснении идеологических представлений и морали «старого мира» из общественного сознания. Эта проблема стала возводиться в ранг основной задачи советского государства. Борьба против пережитков в сознании людей, с проникающими в страну буржуазными идеями, преодоление антинаучных взглядов на природу и общество, предрассудков, старых привычек теперь рассматривается как борьба за поднятие сознания советских граждан на должный уровень, под которым понимались верность большевистской партии и идеалам коммунизма. В целях борьбы с пережитками прошлого и влиянием буржуазных идей партия и государство обращаются к советскому патриотизму, который теперь возводится в ранг государственной политики. На языке официальной пропаганды тех лет это означало, что воспитание и культивирование чувства патриотизма – не что иное, как беспощадная борьба против раболепия и низкопоклонства перед чуждым советскому народу буржуазным космополитизмом. Начавшаяся Великая Отечественная война способствовала усилению патриотических чувств народа и апеллированию к ним со стороны официальной идеологии. Кроме того, война потребовала мобилизации всех нравственных и физических сил народов.

Принципиально новым моментом сталинской доктрины советского патриотизма стало сочетание таких двух компонентов, как любовь к Родине с ее прошлым и строительство коммунизма. После окончания же войны Сталин задумался над приданием русскому народу статуса первого народа СССР, поскольку только через подчеркивание его величия и его истории, общественному сознанию внушалась мысль, что только у такой нации мог появиться ленинизм-сталинизм. «Впервые в истории пролетариат обрел настоящее Отечество. Впервые широкие народные массы увидели в государстве не орудие своих классовых противников, а орган власти народа, взявшего свою судьбу в собственные руки. В этих условиях и возник советский социалистический патриотизм как новое явление, принципиально более высокое, чем патриотизм, проявляющийся на предшествующих ступенях развития общества. В нашем патриотизме любовь к своему народу и к своей стране сливается безраздельно и полностью с любовью к своему государству, с пламенной преданностью советскому общественно-политическому строю, его основателям и вождям Ленину и Сталину» [1]. Из сказанного невольно напрашивался вывод о том, что патриотом может считаться только тот, кто разделяет коммунистические идеалы и политику советского государства. С точки зрения патриотизма подобный вывод можно было бы считать верным, если бы за этим не стояли принципы партийной оптики с ее

монистическим видением. Поэтому ситуация складывалась в пользу поиска врагов народа, националистов, предателей Родины. Лица, «удостоенные» таких ярлыков, стали рассматриваться в качестве отщепенцев социалистического общества, противников лозунга: «Бросок в коммунизм».

Советский патриотизм обретает кривые очертания. Будучи новым пропагандистским изобретением сталинской эпохи накануне ее заката, он становится приоритетом идеологической работы послевоенного времени. Подчеркивая, важность задач в этом направлении, секретарь ЦК ВКП (б) по идеологии А. А. Жданов выразился следующим образом: «Если мы взялись за пятилетку хозяйственную, давайте возьмемся за идеологическую и вытянем ее. Что, сил не хватит? Хватит» [2]. Очевидно, с этим моментом следует связывать начало появления сталинских ориентиров охранительного патриотизма. Особенно ощутимо и зримо они дали знать о себе в области истории, языка, литературы и искусства. В частности, при внедрении концепции советского патриотизма в литературу обнаруживался такой момент как особое положение русской национальной литературы, которая определялась как главенствующая среди литературного творчества всех народов Советского Союза. В «Правде» появляется статья, в которой утверждалось, что казахские писатели и поэты учились у передовой русской классической и советской литературы, у основоположника социалистического реализма М. Горького, у лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи В. Маяковского и др. В публикации указывалось, что еще до революции казахские писатели положили начало учебе у русских коллег. Эта учеба стала замечательной традицией: нет ни одного казахского литератора, на творчество которого не оказывала бы своего влияния дружба с русскими писателями [3]. Вместе с подобным подходом велась открытая борьба против проявлений национального самоутверждения в области литературы и других общественно-гуманитарных наук. В свете сказанного запрещалось говорить о самостоятельном развитии национального вне связи с влиянием русского. Особенно актуальным это было для крупных республик – Казахстана, Украины, Башкирии и т. д. [4].

Вышесказанное непосредственным образом отражалось и на гуманитарной науке. Теперь перед ней ставились конкретные задачи по реализации доктрины советского патриотизма с акцентом на возвеличивание прошлого русского народа, его традиций. Проводником идеологии советского патриотизма в исторической науке Казахстана стала дискуссия вокруг проблемы присоединения Казахстана к России, которая рассматривалась в трех проекциях: «абсолютное зло», «наименьшее зло», «прогрессивное явление». Один из идейных противников Е. Б. Бекмаханова, ставший впоследствии одним из авторов статьи «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» в «Правде» А. Ф. Якунин в этой связи писал: «Известно, что историк М. Н. Покровский и его т. н. «школа» рассматривали присоединение нерусских народностей к России как «абсолютное зло». Отсюда и всякое национальное движение против России безотносительно к его характеру и целям «школа» Покровского считала национально-освободительным, прогрессивным и даже революционным. Формула «наи-

меньшее зло» является научно правильной, и следует лишь ею умело пользоваться. Всякие попытки ревизовать научное значение этой формулы являются необоснованными и вредными» [5]. В данном случае обнаруживается преемственность между историческими исследованиями 20-х–начала 30-х гг. и послевоенного времени. Для целого ряда советских историков конца 20-х – начала 30-х гг. были примечательны прямолинейность, излишняя категоричность в суждениях, далеко не всегда оправданная нетерпимость к немарксистской исторической мысли. Уже тогда резкой критике подвергалась «школа М. Н. Покровского». В послевоенный период эта традиция продолжилась в более упроченном варианте.

В свете сказанного, большой интерес представляют обсуждения монографии Е. Б. Бекмаханова «Казахстан в 20–40-е гг. XIX в.» в Институте истории Академии наук СССР, Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Стенограммы этих обсуждений являются серьезным историческим источником в плане подтверждения параметров идеологической архитектоники тоталитаризма, применявшихся в казахстанской практике.

Ситуация, сложившаяся в Казахстане вокруг движения 1837–1847 гг. под руководством Кенесары Касымова и его личности, отражала уже известные форматы идеологической архитектуры тоталитарного режима. При этом сторонники чистоты марксистско-ленинско-сталинского учения приняли на вооружение готовый инструментарий. Х. Г. Айдарова, отличившись среди противников признания этого события как прогрессивного, национально-освободительного, воочию обнаружила весь его арсенал: «Именно с 1943 г. по 1947 г. мы имеем важнейшие решения ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам о Башкирии, Татарии, Украине, о журналах «Звезда» и «Ленинград», а также решения ЦК КП (б) Казахстана о втором издании «Истории КазССР», о грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР, а также выступление т. Жданова на дискуссии по философским вопросам, еще раз напоминающее о партийности, боевой направленности исследований и популяризаторских работ. Наконец, в помощь автору пришли новые издания трудов Ленина и Сталина» [6]. Движение по борьбе с инакомыслием выпестовывало и тех, кто должен был стать обвинителем от имени общества. Так, в декабре 1950 г. на страницах центральной печати появилась статья Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой и А. Якунина «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» [7]. Последовавшие за ее публикацией события показывают, что она сыграла роковую роль в судьбе советской исторической и в целом гуманитарной науки. Подтверждением этому являются два основных тезиса из данной статьи: 1) «Взявшись за освещение одного из важных периодов истории Казахстана, Бекмаханов не разобрался в нем, не понял сущности феодально-монархического национализма и, неправильно используя архивные и литературные данные, фальсифицировал историю. Автор отошел от марксистско-ленинских научных позиций, оценивает исторические события с буржуазно-националистической точки зрения»; 2) «Советские

историки призваны освещать историю национальных движений глубоко и правдиво. Это значит подходить к историческим фактам с марксистско-ленинских позиций. К сожалению, еще не все научно-исследовательские работы отвечают этим требованиям» [8].

21 февраля 1951 г. эта статья «Правды» стала объектом обсуждения Ученого совета Института истории АН СССР. Открывая его, С. Л. Утченко дал понять, что статья недвусмысленна и обсуждению не подлежит. Одновременно он указывает на неправильную, антимарксистскую оценку этого движения М. В. Вяткиным, А. М. Панкратовой, Н. М. Дружининым, А. П. Кучкиным и М. В. Нечкиной [9]. В резолюции Ученого совета работа Е. Б. Бекмаханова была признана «порочной, написанной с неправильных теоретических и политических позиций – именно с буржуазно-националистических» [10]. А. М. Панкратова снимает свою фамилию под данной резолюцией [11]. Она заметила одной из первых, что произошла трансформация факта. «Статья, представляющая собой рецензию на книгу Бекмаханова, выходит по своему значению за пределы обычной рецензии», за пределы книги, на которую она написана [12]. Таким образом, научный подход к монографии и концепции Е. Б. Бекмаханова вовсе не интересовал официальные органы, которые заказали эту статью в более глобальных целях. Ситуация подвергалась дальнейшей идеологизации, втягиваясь в политическую тину и одиозную конъюнктуру.

Об этом свидетельствуют события, которые разворачивались в казахстанском обществе в первой половине XX века на фоне заданного политического формата и скорости. 16 апреля 1951 г. состоялось общее партийное собрание, которое подтвердило решение бюро от 13 апреля об исключении Е. Б. Бекмаханова из рядов ВКП(б). Был поставлен вопрос об увольнении его из института. 24 апреля того же года было проведено расширенное заседание Ученого совета института, которое обратилось в ВАК с просьбой отменить решение о присуждении Е. Б. Бекмаханову ученых степеней доктора и кандидата исторических наук. Строгому выговору, увольнению и лишению степени кандидата исторических наук подверглись Е. Дильмухамедов («Восстание казахов под руководством Кенесары Касымова в 1837–1847 гг.») и А. Жиренчин («Абай и его русские друзья») [13].

В июне 1951 г. Президиум АН Казахской ССР принимает постановление «О мероприятиях по реализации постановления бюро ЦК КП (б) Казахстана от 10 апреля 1951 г. «О статье в газете «Правда» «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» [14], наметившее программу действий по профилактике и выкорчевыванию вируса национализма.

6 октября 1951 г. Высшая аттестационная комиссия лишила Е. Б. Бекмаханова ученых степеней и званий. 16–17 октября 1951 г. состоялся VIII Пленум ЦК КП (б) Казахстана, на котором обсуждался доклад первого секретаря ЦК Ж. Шаяхметова «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в парторганизациях республик», объектом нападок которого стали Бекмаханов и те из руководителей Академии, которые «не прислушивались

к голосу рядовых членов партии, к голосу т. н. «маленьких людей», «голосу народа» [15]. 24 мая 1952 г. заседание Президиума АН КазССР освободило Е. Б. Бекмаханова от работы.

Как видно, перечисленные выше события происходили весьма часто и не без привлечения к ним широких слоев общества. Мероприятия велись на всех уровнях, начиная с аулов и заканчивая столицей Казахстана. Объективно они способствовали тому, что общественное сознание лишалось какой-либо возможности к их интерпретации в альтернативном русле. Тем более, что по стране шел процесс преодоления послевоенных проблем. Статья же 58 часть 10 воспринималась как константа, которая не имела права на обсуждение. В обществе произошло то, что имел в виду Чингиз Айтматов, когда рассказывал притчу дидактического содержания. Собрались как-то аксакалы за чашкой чая и спросили у Сталина: как сделать так, чтобы народ все как один слушался вождя и исполняли все то, о чем он их попросит? В ответ Сталин попросил принести курицу. Ощипал он ее у всех на глазах и пустил бегать голую по двору. На жару ей пекло кожу, в тени она стала мерзнуть. Затем прибежала она к вождю и стала прижиматься к голеницам сталинских сапог. «Вот как надо управлять народом», – сказал Сталин в назидание.

Остракизм, которому подвергся Е. Б. Бекмаханов, ошельмованный в качестве националиста и пособника англо-американской агентуры, должен был стать показательным для всей советской интеллигенции. Тоталитарный метод был призван систематически поддерживать атмосферу подозрительности и недоверия, что объективно подпитывало плоды деформированного общественного сознания. Широкомасштабный социальный и политический эксперимент удался, поставив на колени для удобства обезглавливания национальную интеллигенцию.

Причину состоявшихся «буржуазно-националистических извращений ревнители идеологического диктата видели в том, что Президиум АН КазССР и лично президент Академии К. И. Сатпаев не выполняют решений ЦК ВКП (б) и указаний И. В. Сталина по идеологическим вопросам. В частности отмечалось: «Е. Бекмаханов и его единомышленники продолжали подвизаться в Академии и на страницах её руководящего органа – журнала «Вестник АН Казахской ССР». Это в значительной степени объясняется тем, что Президент АН КазССР академик К. И. Сатпаев сам придерживался буржуазно-националистической оценки феодально-монархического движения Кенесары Касымова, сам в 1927 г. выпустил буржуазно-националистическую книжку об Едиге – враге казахского и русского народа» [16].

О Е. Б. Бекмаханове же говорилось: «Отравляя сознание казахского народа, вслед за алашордынцами Е. Бекмаханов и его единомышленники возвеличивали реакционных деятелей дореволюционного Казахстана, которые стремились оторвать казахский народ от великого русского народа и отдать его в рабство иностранным завоевателям – английским колонизаторам» [17]. В попустительстве людям, не «внушающим политического доверия», «случайным для науки» обвинялся бывший вице-президент Академии С. Н. Ке-

несбаев, якобы «насаждавший аракчеевский метод в казахском языкознании» [18].

По мнению современных исследователей (И. М. Козыбаев, Л. Я. Гуревич), апогеем волны политических кампаний стал VIII пленум ЦК КП (б) Казахстана, проходивший 16–17 октября 1951 г., аккумулировавший политические обвинения в адрес интеллигенции. В то же время на нем была осуществлена впервые критика на уровне высшего руководства республики. Отсюда был закономерен итог, постигший национальную интеллигенцию.

Ермухан Бекмаханов писал из ссылки: «Следствие по моему делу велось тенденциозно. Следственные органы интересовали факты, сообщаемые в данном письме, и они не нашли отражения в протоколах опроса. Кроме того, ни один из положительных фактов, говорящих в мою пользу не зафиксирован в протоколах допросах. Ни одна стенограмма моих выступлений по поводу статьи «Правды» не приобщена к делу. А также отсутствуют в делах копии моих писем в ЦК ВКП (б) и ЦК КП (б) Казахстана и редакции газет и журналов. Следственные органы не интересовала история вопроса, связанного с движением Кенесары Касымова. На следствии не стремились выяснить, почему на протяжении более 30 лет восхваляли движение Кенесары и на каком основании до появления статьи «Правды» руководство ЦК КП (б) и основные массы историков, литературоведов и писателей Казахстана стояли на позиции признания прогрессивности движения Кенесары Касымова? Если следственные органы всесторонние подошли бы к изучению данного вопроса, тогда они более [или] менее объективно подошли бы к определению доли моей вины» [19].

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР приговорила Е. Б. Бекмаханова по ст. 59-10 ч. 2 УК с санкцией ст. 58-2, подвергнув к 25 годам заключения в исправительно-трудовом лагере, с поражением в конституционных правах на 5 лет и с конфискацией принадлежащего лично ему имущества. Приговор, подписанный судьей Мамутовым и народными заседателями Джунусовой и Жулиным, также предписывал: «Отбытие указанной выше нормы наказания считать с 5.09.1952 г., т. е. со дня заключения под стражу. Вещественные доказательства хранить при деле. Приговор окончательный, в кассационном порядке обжалованию не подлежит» [20].

В соответствии с начавшимся процессом к «изобличению» Е. Б. Бекмаханова были привлечены показания: Е. Исмаилова, Б. Сулейменова; свидетелей: Такежанова А., Елеуова Т., Мухтарова А., Гумаровой М., Шахматова В. Ф., Шоинбаева Т., Нурканова А., Адильгереева Х., Бутлера Г. Ф., Тухтарова З. [21].

«Психологическая робинзонада» не имела права на сбой. Вскоре сами Е. Исмаилов и Б. Сулейменов были обвинены как враги народа и посажены в тюрьму. После ареста Е. Б. Бекмаханова подверглись преследованиям его аспиранты и студенты, которых называли «птенцами Бекмаханова»,

«бекмахановцами». Среди них были аспиранты Б. Е. Ишмухамедов, П. Тибекин, З. Пашил, А. Мухтаров, А. Найгазарин [22].

В конце 1953 г. крупный советский историк, академик А. М. Панкратова, уверенная в научном кредо Е. Б. Бекмаханова, пользуясь авторитетом и членством в ЦК КПСС, обращается к секретарю ЦК КПСС Хрущеву Н. С. с просьбой о реабилитации и освобождении Е. Б. Бекмаханова. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 21 октября 1953 г. приговор об его осуждении был отменен и постановлением МВД СССР от 16 февраля 1954 г. в соответствии со ст. 4 п. 5 УПК РСФСР следственное дело в отношении Е. Б. Бекмаханова было прекращено [23]. Подчеркнем, что реабилитация Ермухана Бекмахановича произошла не сразу, в ней выделяются три периода: 1 – 1954 г. – юридическая реабилитация; 2 – 1954–1956 гг. (XX съезд КПСС) – объективный пересмотр дела профессора Е. Б. Бекмаханова, восстановление в должности заведующего кафедрой истории Казахской ССР в КазГУ им. С. М. Кирова и в научных степенях и званиях. 3 – с 1956 г. по 1992 г., т. е. до защиты автором данных строк кандидатской диссертации на тему «Жизнь, деятельность и исторические взгляды Е. Б. Бекмаханова» – не была реабилитирована его научная концепция.

Во многом сложившаяся ситуация объясняется тем, что развитие историографии, начавшееся со времени установления советской власти на национальных окраинах России многократно прерывалось и нарушалось веяниями конъюнктурной политики. Последнее, в конечном счете, привело к появлению трагического феномена «эволюции» обществоведов СССР.

Проблема «эволюции» в историографии советского периода является важной в методологическом отношении и актуальной в плане объективного воспроизведения образа исторической науки. Под «эволюцией» здесь мы понимаем ту сторону в жизни, деятельности, взглядах людей, в данном случае – историков, востоковедов, в целом гуманитариев, которая представляла собой рубежный момент, последующий этап за которым демонстрировал принятие ими иных принципов и отход от прежних позиций.

Здесь мы сталкиваемся с глубоким пластом любопытного социально-психологического феномена, который назван в данной работе «психологической робинзонадой». Для того, чтобы понять механизм формирования методологии исследований казахстанских учёных-гуманитариев и последующей «эволюции» воззрений последних даже во времена послесталинские, представляется интересным обратиться к образу советской гуманитарной науки в целом, где казахстанский облик является составным, ибо появление подлинной науки в Казахстане в советское время связывалось только с 1917 г. и последующим развитием советского общества. Хотя бесспорно и то, что с выстрелом «Авроры» национальная дореволюционная наука не могла стать интернациональной советской.

Истоки советского образа гуманитаристики, которая механически вырисовывала лекала для гуманитарной науки в национальных республиках, относятся еще к XVIII в. Именно тогда дерево европейской академической науки переносится на русскую морозную почву. Объективно утверждав-

шиеся в XVIII в. идеалы просвещения стояли выше идеалов настоящего, чистого знания. Историография XIX в. в России четко демонстрирует борьбу между этими двумя идеалами, выражаясь в формулах: «Наука или политика», «Класс – партия – наука», «Наука или просвещение». В устах лучших представителей исторической науки XIX в. звучали слова о том, что «Россия забаррикадировала себя от серьёзной науки и философии просвещением».

Культурная традиция объективна по форме своей и содержанию. Поэтому с Октябрем 1917 г. наука досоветская не становится социалистической. Именно в этот период происходит испытание культурных традиций дореволюционного прошлого народов нашей страны на живучесть и преемственность. Оно подвергается шоку гипертрофированных классовых подходов и пропаганде вульгаризированного марксизма. Из гуманитарной науки начинают выпадать методологические элементы, предполагающие объективное, истинно научное познание окружающей действительности, проливающие свет на независимые от сиюминутного наблюдения и знания законы и закономерности. Забывается изречения мудрых: «Многознание – уму не научит».

Революционная эпоха со всеми присущими ей достоинствами порождает форсированный ритм жизнедеятельности общества. Становится достаточным знать набор положительных знаний о классовой работе, определении производительных сил, производственных отношений и общественно-экономической формации. На передний план выступают не проблемы познания и специфики исторического процесса, а революция, идея смены общественно-экономических формаций. В условиях возрастающей революционизации и политизации общественной жизни и одновременно существования большинства средних слоёв населения с их обыденным сознанием, создаются предпосылки для растворения, а в последующем исчезновения идеи автономности науки. Сегодня мы всё больше содрогаясь, соприкасаясь с метаморфозами в истории советского социализма, когда обнаруживаем факты обезглавливания лучших сынов и дочерей народов, истребления народного достояния, превращение личностей, да и всего общества в живой механизм и винтик системы. Однако предстоит ещё детально рассмотреть механизм трансформации науки в сплошной социальный заказ. Здесь также кроются причины появления феномена «психологической робинзонады» в советском обществе.

Будучи закодированной в сверхвыработанных механизмах, гуманитаристика подвергалась всякого рода деформациям, порождая усеченную социальную память народа. Являясь интеллигентом социалистической формации в первом поколении, историк Е. Б. Бекмаханов сохранил многие принципы, представления и предания народа, подвергнувшегося ломке традиционных форм жизнедеятельности. Он оптимально сочетал в своих исторических исследованиях традиции устного народного творчества и современные ему успехи набирающей темпы исторической науки, которая базировалась на марксистской методологии. Историография периода становления советской исторической науки показывает изначально деформированный

подход к использованию принципов научной марксистской методологии. Противопоставление последней прежним принципам и закономерностям в развитии национального мышления порождали, с одной стороны, лишение колорита рассматриваемой стороны общественного сознания казахов, с другой – поверхностное овладение местными учеными марксистской методологией, что подчас относительно недавнего происхождения взгляды первых казахских советских историков однозначно оценивались в историографии как националистические.

Изучение исторических воззрений Е. Б. Бекмаханова показывает, что, оставаясь в основном верным своим прежним концептуальным подходам к освещению борьбы с царизмом народных масс, он во второй половине 50-х гг. XX в., – казалось бы, сталинщина позади – отказывается от применения термина «национально-освободительный» в отношении национальных движений казахов против самодержавной колониальной политики России XIX в., относя их к числу т. н. «феодално-монархических движений».

Анализ методологических принципов Е. Б. Бекмаханова будет неполным, если не учесть диалектику становления и развития методологии изучения проблем национально-освободительного движения и вхождения Казахстана в состав России.

В 1941 г. И. В. Сталин выступил в партийной печати с открытым письмом, где высказал свое отрицательное отношение к работе Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» [24]. В нем по существу содержалось оправдание экспансионистской внешней политики царизма, провозглашалась преемственность политического курса советского правительства с великодержавным, аннексионистским курсом дореволюционной России.

Письмо Сталина положило начало откровенной апологетике политики царизма в сфере присоединения восточных народов и, по существу, исключало появление какой-либо иной альтернативной точки зрения многовариантности исторического процесса в виде присоединения путем завоевания или вхождения, колонизации экономической, политической дипломатической, через миссионерство, торговлю, освоение.

Труды Сталина 1944–1952 гг., свидетельствующие о вершине культа личности «отца всех народов», способствовали принятию в начале 50-х гг. нескольких беспрецедентных решений, признавших борьбу горцев Чечни и Дагестана, движения в Башкирии и Татарии, Андиганское восстание 1898 г., движение казахов под предводительством Касымова реакционными, националистическими движениями. Фальсификаторская статья М. Д. Багирова в журнале «Большевик» за 1951 г. сформировала антинаучную и антигуманистическую точку зрения, основанную на прямой подтасовке и искажении фактов версию, объявившую движение горцев под руководством Шамиля антинародным и инспирированным из-за рубежа. Аналогичные фальсификации были предприняты по отношению к другим освободительным движениям, которые характеризовались однозначно как феодално-монархические. При этом замалчивались оценки, данные К. Марксом и Ф. Энгельсом борьбе народов Среднего Востока против царизма.

К тому же после победоносного завершения Великой Отечественной войны Советского Союза в советской печати и историографии возникла тенденция сильно подчеркивать руководящую роль русского народа не только в советское время, но и в предшествующие периоды. В результате движения в колониальных окраинах России в XVIII–XIX вв. были объявлены феодальными, вызванными интересами правящих классов этих окраин.

Совещание историков в ЦК ВКП (б), которое началось 29 мая и проходило с перерывами 1 и 22 июня, 8 июля 1944 г., стало результатом настойчивости академика А. М. Панкратовой. Это Совещание затронуло широкий спектр вопросов, касающихся истории национальных окраин бывшей Российской империи. Здравомыслящими исследователями была сделана попытка осуществить постепенный отход от трактовки истории завоевания новых народов Российской империей как «наименьшего зла». По сути это было «покушением» на сталинскую трактовку национального вопроса в СССР. Общие итоги Совещания по существу сводились к двум обстоятельствам. Во-первых, возникло понимание того, что оценка факта присоединения любой страны к другой должна исходить из объективного значения этого события для будущности присоединенной страны. Во-вторых, стало понятным, что формула «наименьшее зло» не подходит к истории народов, присоединившихся добровольно, отчетливо осознавших всю выгоду данного шага [25].

Письма А. М. Панкратовой, написанные по итогам этого Совещания, и опубликованные только лишь в 1988 г., т. е. через 44 года являются свидетельством того, что при И. В. Сталине родилась и развивалась тенденция брать на себя ответственность за внешнюю политику царизма в отношении завоеванных народов. Это позволяло властям, исходя из ложного патриотизма, извращать здравый смысл оценок достойных ученых и исследователей относительно истории этих народов. Подобие русофильства, усиленное условиями и победоносным исходом Великой Отечественной войны, всепроникновением культа личности со всеми порождаемыми им явлениями, обильно питало и взращивало идеологию старшего брата, первого среди равных. Гиперкритицизм национального прошлого и хладнокровно-статистическое отношение к миллионным жертвам трагических событий 30–40-х гг. XX в. породили во властных кругах СССР безнравственную идею решающей роли русского народа, что мгновенно сводило на нет как прошлые, так и настоящие заслуги других народов СССР. Выводы Анны Михайловны Панкратовой утверждают о складывании и активном культивировании в послевоенный период великодержавной, реакционно-монархической концепции советского имперского центра. Одновременно академик А. М. Панкратова защищала честь академической науки от опасности заразиться «диалектикой» подобных концепции. «Хорошенькая бы у нас была наука, если бы мы пересматривали все исторические оценки каждый год с точки зрения политических событий данного года!» [26].

Вопросы национально-освободительного движения в Казахстане в XIX в., которыми занимался Е. Б. Бекмаханов, были тесно связаны с проблемой присоединения нерусских народов к России и историческими последствия-

ми этого акта. Утверждение научной методологии в оценке факта присоединения и во всесоюзной, и в казахстанской историографии происходило постепенно. Оно не было легким и простым.

Заслуги современных исследователей видятся в сосредоточении их усилий на изучении диалектической сложности и противоречий явлений, в понимании способности любого справедливого освободительного движения перерасти в свою противоположность при определенных социально-культурных, политических и иных условиях. Оптимистичным, конструктивным является учет исследователями неоднородной природы общественных движений, сочетания в них обоих типологических черт с формами, определенной спецификой местных факторов, что позволит историкам создать многоплановую картину освободительной борьбы народных масс и устранить догматические стереотипы, которые присутствуют в общественном сознании по отношению к проблематике национально-освободительных движений со времен тоталитарно-бюрократического режима.

Поиски новых методологических подходов, находки ученых в трактовке спорных вопросов и проблем национального прошлого и настоящего, имеющих методологическое значение, видятся в признании и ориентации на опыт цивилизованного мира. В этом смысле серьезным является акцент о необходимости наличия – при изучении проблем национально-освободительного движения и колонизации Россией казахских пространств – презумпции идеи национального согласия и национального примирения, имеющих результатом воплощение вечных идей мира и гуманизма. Не последнее место должна занимать и встречная комплиментарность по отношению к истории других народов.

Трагической особенностью общественно-политической жизни Казахстана с середины 1920-х гг. являлось то, что с этого времени идеологический аппарат сталинизма начал проводить широкомасштабные мероприятия, направленные на искоренение исторической памяти народов и физическое уничтожение носителей этой памяти – видных представителей народной интеллигенции [27].

С укреплением тоталитарного режима постепенно усилились политические преследования участников партии «Алаш», а также руководящих работников республики, занимавших свою позицию в вопросах о темпах и методах социально-экономических преобразований в крае и высказывавших сомнения в правильности политики центра, грубо попиравшего суверенные права республики в решении хозяйственно-политических и кадровых вопросов, не считавшегося с национальными особенностями и интересами коренного населения.

К концу 20-х гг. нагнетание обстановки и подозрительность стали всеобщими. Нарастание борьбы в центре с троцкистско-зиновьевской оппозицией и «правыми оппортунистами» в национальных республиках проявилось в форме репрессии представителей народно-освободительного движения. В конце 1928 г. по ложному обвинению были арестованы 44 человека из числа т. н. «буржуазных националистов» – бывших деятелей

Алаш-Орды, в т. ч. А. Байтурсынов, М. Дулатов, М. Жумабаев, Ж. Аймаутов, Габбасов и др. Другая группа народной интеллигенции (около 40 чел.) в составе Тынышпаева, Досмухамедова, Акпаева и других была арестована в сентябре – октябре 1930 г. Вскоре 15 из них были сосланы в Центрально-Черноземную обл. России. Почти все они были репрессированы в 1937–1938 гг. [28].

С 1936 г. по 1938 г. председателем выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР являлся дивизионный военный юрист Горячев. С 25 февраля по 13 марта 1938 г. им ежедневно выносились смертные приговоры. 25 февраля к расстрелу было приговорено 39 человек, среди которых были Сакен Сейфуллин, Санжар Асфендияров, Темирбек Жургунов, Сейткали Мендешев, Жанайдар Садвакасов; 26 февраля – 37 человек, в их числе – Ильяс Джансугуров, Ильяс Кабулов, Жумат Шанин; 27 февраля – 41 человек, 28 февраля – 40 человек и так до 13 марта включительно уничтожался десятками цвет казахской интеллигенции [29].

К. Маркс во «Введении к критике политической экономии» писал по поводу буржуазных робинзонад: «Так как этот индивид казался им воплощением естественных свойств и (соответствовал) их воззрению на природу человека, то он представлялся чем-то не исторически возникшим, а установленным самой природой. Это заблуждение было до сих пор свойственно каждой новой эпохе».

До сих пор считалось, что «психологическая робинзонада» – это концепция о саморазвитии «естественного человека», изолированного от общества на необитаемом острове. Между тем, психологическая «робинзонада» не способна обеспечить эффективное развитие человека ни на каком этапе его становления. В том числе и на необитаемом острове. Мнимая героика его естественности при переносе на общественный масштаб обнаруживает совершенно иные явления. Когда общественное сознание становится зоной действия «психологической робинзонады» оно создает тиски для свободы мышления ее индивидов и угрожает их физическому существованию. У Фридриха Энгельса есть выражение – «ирония истории». «Люди, – писал он В. И. Засулич 3 апреля 1885 г., – хвалящиеся тем, что «сделали революцию, всегда убеждались на другой день в том, что они не знали, что делали, что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели» [30]. История иронизирует над попытками «лепить» общественную жизнь по заданным идеалам, над самообманом людей, их стремлением отвернуться от замеченного.

Политические эксперименты эпохи тоталитаризма никак не украшают дерево гуманитарной науки. Они лишь способствовали нарушению межпоколенной связи и деформации истинных традиций, порождая феномен «психологической робинзонады». Названный феномен доводил до самоуничтожения и самоизоляции не только жертв, но и их близких. Он стал мощным инструментом внедрения в массовое сознание коллективистских взглядов, всеобщей подозрительности и доносов. Последствия этих явлений

позже станут более чем удручающими. Они обнаружат себя даже тогда, когда тоталитарного СССР уже не будет.

1. Власов И. О советском патриотизме // Пропагандист и агитатор Красной Армии. – 1947. – № 5. – С.15.
2. РГАСПИ. Ф.17. Оп.121. Д.458. Л.85.
3. Правда. – 1949. – 12 мая.
4. РГАСПИ. Ф.81. Оп.3. Д.125. Л.188; Ф.17. Оп.88. Д.898. Л.17; Оп.121. Д.572. Л.142–143.
5. Якунин А. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей. // Вопросы истории. – 1951. – № 11. – С.83, 86.
6. Вестник АН КазССР. – 1948. – № 3. – С.36.
7. Правда. – 1950. – 26 декабря.
8. Там же.
9. Архив РАН. Ф.1577. Оп.2. Д.261. Л.4.
10. Там же. Л.73.
11. Там же. Л.162.
12. Там же. Л.13.
13. Там же. Л.40.
14. Вестник АН Казахской ССР. – 1951. – № 6. – С.24–25.
15. Там же. – № 11. – С.7–21.
16. Бекмаханов Е. Б. Заявление секретарю ЦК КПСС Хрущеву Н. С. 15 июля 1953 г. // Мәдениет және тұрмыс. 1989. – № 11. – С.15, 21. – № 12. – С.21–22.
17. ОВА МОН РК. Ф.23. Оп.1. Д.479. Л.17–18.
18. Там же. Д.447. Л.1.
19. Аяулы тұлға. // Жалын. – 1988. – № 5. – С.52.
20. ОВА МОН РК. Ф.23. Оп.1. Д.447. Л.4.
21. Там же. Д.652. Л.15.
22. Там же. Д.481. Л.1.
23. Там же. Д.529а. Л.2.
24. Сталин И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. – 1941. – № 9. – С.1–6.
25. Письма А. М. Панкратовой. // Вопросы истории. – 1988. – № 11. – С.54–79.
26. Там же. – С.57.
27. Қазақстанның саяси тарихы: XX ғасырдың бірінші жартысы. Халықаралық ғылыми-іс-тәжірибелік конференция материалдары. – Алматы: Қазақстан Республикасы Президентінің Мұрағаты, 2005. – 126 б.
28. История Казахстана. Очерки. – Алматы: Дәуір, 1993. – С.322.
29. Козыбаев М. К., Алдажуманов К. С. Тоталитарный социализм. – Алматы: XXI век, 1997. – 27 с.
30. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.8. – С.119.

Тарих ғылымдарының докторы С. Ф. Мажитовтың мақаласында «психологиялық робинзонада» құбылысы зерттеліп, өзге ойлаушыар остракизмінде көрініс берген. Ғалым Е. Бекмахановтың өзінің және идеяларының тағдыры мысал келтірілген бұл құбылыс үнемі қимыл үстінде.

Нұрпейіс К. Н.

БҮКІЛХАЛЫҚТЫҚ ҚАСІРЕТКЕ 70 ЖЫЛ

1917–1991 жылдар аралығындағы Қазақстан тарихына байланысты саяси қуғын-сүргіндер тізбегін мынандай алты кезеңге бөліп қарауға болады.